

М. С. Ракова**ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ
ПРОСТРАНСТВЕ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА**

Человек в глобальном мире становится всё более одинок; пытаясь ниспровергнуть христианские мифы, мыслящий индивид постхристианской культуры вместо них придумывает новые, всю зыбкость которых не может не видеть. С глобализацией тесно соприкасаются проблемы обезличивания человека, знания без понимания, утраты смыслов. Сами по себе любые средства коммуникации не являются злом; их делает таковым свободный выбор или сознательно выбираемое безволие перед торжествующей тьмой тех, кто ими пользуется. В итоге всё это может превратить человека из субъекта исторического процесса в его объект. Говоря об интеллигенции, В. С. Меметов отметил, что «она была, есть и будет прямым отражением социально-экономических, политических, национальных, культурных и других отношений в любом обществе»¹. В этой связи представляется важным рассмотрение вопроса, как воспринимает интеллигенция информационное пространство глобального мира, показать некоторые из попыток интеллигенции сформулировать ответ на вызовы новой глобальной реальности, связанной с феноменом антигуманизма.

По мнению Н. Н. Васильева, «пространственно-временные границы мира современного человека сузились кардинально. XX век — уже почти древность, по крайней мере, для людей среднего и молодого поколений. Фундаментальные представления о пространстве включают в основном поверхность Земли, которая по практическим взглядам мало отличается от плоской тверди. В то же время масштаб разницы между далеким и близким существенно уменьшился. Одной из глубинных причин всех вышеупомянутых негативных моментов является истори-

---

© Ракова М. С., 2015

Ракова Мария Сергеевна — соискатель кафедры культурологии и литературы Шуйского филиала ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет». rakova@yandex.ru

ческий процесс глобализации. Большая часть негативности, сопутствующая этому естественному процессу, происходит из-за доминирования в нем западной цивилизации. Это превращает глобализацию в вестернизацию и приводит по всему миру к вандализации массовой культуры, насильственной унификации и примитивизации мировоззрения»².

Примитивизация неизбежно затрагивает разные сферы, в том числе и образовательную, что не может не приводить к определенным рискам. Как отмечали О. Н. Масленникова и С. С. Садина, «выведение гуманитарного знания за пределы прагматических, утилитарных потребностей техспециалистов, по крайней мере, алогично и рискованно»³. В целом же отказ от традиции формирует культуру нового типа, рассматриваемую многими как антикультура, а «угасание культурной жизни, — по словам В. П. Океанского, — есть охлаждение вечности, умирание ее в качестве культурного истока — на месте одного воцаряются “развитие”, “история”, “время”»⁴. Вместе с новой культурой появляется и новый человек, личностное начало которого недостаточно выражено.

Еще Роман Гвардини в «Конце Нового времени» писал об обезличивании человека XX века: «Нам могут, правда, возразить, что личностное начало проявляется в вождях, которых порождает этот человеческий тип; в новой разновидности властителей и преобразователей человечества. Но, как мы уже отмечали, это будет неверно; главная особенность нынешнего вождя состоит, видимо, как раз в том, что он не является творческой личностью в старом смысле слова, то есть развивающейся в исключительных условиях индивидуальностью; он лишь дополняет безликое множество других, имея иную функцию, но ту же сущность, что и они»⁵. В этом же труде философ прозорливо отмечал, что «Новое время любило обосновывать применение техники соображениями пользы и благополучия человека. Этим прикрывались те опустошения, которые причиняло беззастенчивое использование техники. Грядущая эпоха заговорит, я думаю, по-другому. Человек этой эпохи знает: техника в конечном счете не имеет отношения ни к пользе, ни к благополучию, речь идет о власти; о власти в предельно широком смысле слова. Носитель такой власти пытается наложить руку на первичные элементы природы и человеческого бытия. Это означает необозримые возможности строитель-

ства, но также и разрушения, особенно там, где дело касается человеческого существа, которое оказывается далеко не так прочно и надежно в самом себе, как обычно полагают. Итак, несомненная опасность, неизмеримо возрастающая оттого, что пытаются наложить свою руку на власть — не кто-то конкретный, а анонимное “государство”. Так отношение к природе приобретает характер решающей, смертельной схватки: либо человеку удастся правильно поставить свою работу и свою власть, и тогда он добьется своего силой, либо всему конец»⁶.

Эта проблематика волнует и современных авторов, в том числе и не таких известных, но пытающихся дать свою оценку развитию данных процессов, ответы их разнятся друг от друга.

Л. Г. Сальникова заострила внимание на том, что «в эпоху гуманизма, разума и прогресса люди начали жить не “ради Бога”, а ради себя. Мир богател и развивался, мир науки и техники вел к постоянному облегчению их быта, способа господства. Богатство, комфорт и свобода стали последней целью цивилизации, как отказ от служения какому-либо Абсолюту. В центре цивилизации — Человек. С открытием микро- и мегамиров, с усилением мощи и самооценности технических средств Человек смещается из центра цивилизации на периферию, перестает быть субъектом происходящих процессов, становится объектом. Внутри гуманитарного теоретизирования человек перестает быть автором, субъектом, творцом. Наиболее определенно это выразилось в структурализме. Задача науки, по мнению К. Л. Стросса, не воспроизводить человека, а растворить его. Возникает феномен антигуманизма, вначале “слабого”, “теоретического” в виде приема познания, а потом всё решительнее — фундаментально-онтологического, концептуально-мировоззренческого. Прошедший в структурализме отказ от объектно-субъектной парадигмы означал отказ от признания особого положения человека в мире. Он такой же элемент его функционирования и развития. Он больше не человек, а актер или даже агент»⁷.

В этой связи актуальны слова Б. Н. Шулевского о том, что «в Новом мире катастрофически возрастает удельный вес феноменов, которые стремятся стать свободными и перейти в режим бесконтрольного *саморазвития*. Чем меньше непонимания, тем

больше нужно свободы, чтобы заткнуть дыры от исчезнувшего понимания, а рост свободы требует произвола и саморазвития.

Новый мир электронного рая радикально меняет суть общества. Социальность, как солидарные и взаимответственные связи людей, исчезает в их контактах с виртуальным миром Сети. Вначале общество заменили термином “социум”, а затем превратили в человеко-машинную *социотехническую систему*»⁸.

Машины, взбунтовавшиеся против людей, многих вдохновляли на создание книг и фильмов. Этот образ начинает заботить и авторов научных статей. По мнению Б. Н. Шулевского, «в ситуации интерфейса, в интерактивных системах человека и машин инициатива решений неотвратимо смещается в пользу искусственного интеллекта. Для человека компьютерные, программные решения выступают как шаманство, непонятное и самим шаманам. Социотехносфера — это сложная, нелинейная система, которая недоступна уму, чувствам, сознанию, интуиции человека, ибо эта система враждебна культуре и биосфере, а потому не может ждать от них милости, действуя сама по себе как судья, диктатор и судьба, истребляя малейшие признаки понимания»⁹.

В. П. Океанский и Ж. Л. Океанская писали о том, что отказ от онтологической приоритетности Прошлого приводит к деформациям, абсолютизирующим Настоящее или Будущее. Первая из них ведет к отказу от жертвенности, вторая — «к истощающему слепому футуризму, который смотрит в онтологическую пустоту. Авангард и постмодерн — своего рода пародия на метафизику традиционализма, когда отсекается фактор онтологически конкретного Будущего, что приводит к бездуховности, а Настоящее представляется неопределенной совокупностью Следов»¹⁰.

А вот, например, Е. В. Ишимская смотрит на процессы глобализации и место в них интеллигенции более оптимистично. Она пишет: «На макроуровне дискурс интеллигенции соприкасается с многоаспектной проблемой личности, ее профессионального и духовного развития, исторической роли и реализуется главным образом через понятия “интеллигент”, “интеллигентность”. <...> На макроуровне дискурс интеллигенции существует как метаязык всего человеческого сообщества, глобальный диалог мировой интеллигенции, касающийся фундаментальных, смысложизненных вопросов бытия. С этой точки зрения в дискурсе интеллигенции

преломляется всемирная история человеческой мысли, а сам дискурс выступает общим делом включенных в него субъектов ради сохранения и совершенствования жизни на Земле»¹¹.

Точка зрения Е. В. Ишимской ориентирована на «методологическую позицию Г. С. Смирнова, который, опираясь на работы В. И. Вернадского, П. Тейяра де Шардена, Э. Леруа, Н. Н. Моисеева и др., видит в интеллигенции явление космопланетарного масштаба, фактор ноосферного развития»¹².

Данный пример показывает, насколько важна исходная ценностная система интеллигента при рассмотрении им процесса глобализации, для той его оценки, которая в результате будет им сформулирована.

Разномыслие в интеллигентской среде имеет свои основания. Как писал В. С. Меметов, «в случае низведения “интеллигенции” просто к “интеллектуалам” и “образованному классу” из понятия “интеллигенция” изымается, выкорчевывается та ее важнейшая нравственная суть, которая на протяжении тысячелетней истории России была для нее характерной, специфической, определяющей»¹³. Здесь же можно процитировать и С. М. Усманова, отмечающего «достаточную нравственную прочность нравственных ценностей русской интеллигенции, составляющих ее важнейший системообразующий признак»¹⁴. Именно в интеллигентской среде в наибольшей степени можно отметить попытки противостояния проблемам обезличивания человека, знания без понимания, утраты смыслов, что всё вместе определяет особое положение интеллигенции в информационном пространстве глобального мира.

Примечания

¹ Меметов В. С. Интеллигентоведение рубежа третьего тысячелетия: актуальные проблемы // Интеллигент и интеллигентоведение на рубеже XXI века: итоги пройденного пути и перспективы : тез. докл. X междунар. науч.-теор. конф. Иваново, 1999. С. 46.

² Васильев Н. Н. Трансформация мировоззренческих ориентиров научно-технической интеллигенции на рубеже веков // Интеллигенция и мир. 2014. № 1. С. 143.

- ³ *Масленникова О. Н., Садина С. С.* Прагматизм в высшем образовании: pro et contra // *Интеллигенция и мир.* 2010. № 3. С. 33.
- ⁴ *Океанский В. П., Океанская Ж. Л.* Культура и кризис: сотериологические перспективы // *На пути к гражданскому обществу : науч. журн.* 2014. № 2. С. 45—46.
- ⁵ *Гвардини Р.* Конец Нового времени. URL: http://www.krotov.info/libr_min/04_g/gva/rdini.htm (дата обращения: 03.10.2013).
- ⁶ Там же.
- ⁷ *Сальникова Л. Г.* Роль гуманизации и гуманитаризации в формировании будущих интеллигентов // *Интеллигенция и мир.* 2013. № 1. С. 90.
- ⁸ *Шулевский Б. Н.* «Общество знания» или «общество непонимания» // *Философия хозяйства.* 2010. № 6 (72). С. 41.
- ⁹ Там же. С. 42.
- ¹⁰ *Океанский В. П., Океанская Ж. Л.* Антикризисный потенциал православной традиции: к проблеме осмысления метафизических оснований отечественной интеллигенции в истории // *Интеллигенция и мир.* 2010. № 3. С. 140.
- ¹¹ *Ишимская Е. В.* Субстанциональные основания современного дискурса интеллигенции // *Интеллигенция и мир.* 2011. № 3. С. 150.
- ¹² Там же. С. 150—151.
- ¹³ *Меметов В. С.* О некоторых дискуссионных проблемах российского интеллигентоведения // *Нравственный императив интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее.* Иваново, 1998. С. 11.
- ¹⁴ *Усманов С. М.* Этапы и особенности формирования интеллигенции в процессе модернизации: российский опыт в сравнительно-исторической ретроспективе // *Интеллигенция и мир.* 2004. № 1/2. С. 14.